

ДВА РАССКАЗА

Check Point Charlie

В центре Берлина на Фридрихштрассе находился контрольно-пропускной пункт – Check Point Charlie. С той стороны пункта была земля обетованная – Западный Берлин, с этой – Берлин, столица Германской Демократической Республики. Почему КПП носил имя Чарли – существует ряд версий. По одной из них американской охраной на Чек Пойнте командовал веселый негр – сержант Чарли, которого знали все проходящие туда-сюда через Чек Пойнт еще до постройки Стены. По другой версии, Чарли – это просто обозначение третьей буквы английского алфавита – А, В, С. Были еще КПП «А» и «В». Но история не присвоила им имен, и самый главный пункт перехода через зональную границу «С» так и остался в памяти как Чек Пойнт Чарли.

Каждый раз, когда я приезжал в Берлин в командировку – а приезжал я туда сравнительно регулярно, – я вечерами ходил на встречу с «Чарли». Проходил от Оперы по Унтер ден Линден мимо советского посольства до Бранденбургских ворот и останавливался там. Вся площадь перед воротами была запретной зоной, засеянной травой. В траве резвились десятки, а может, и сотни кроликов. Им никто не мешал, не пугал, не охотился за ними. Эта ничья земля была их землей. За ней чернели Бранденбургские ворота, слева стоял остов гостиницы «Адлон», описанной в многочисленных шпионских романах, справа вдали маячили развалины Рейхстага с многочисленными надписями на стенах и колоннах. Каждый солдат и офицер Первого Белорусского считал своим долгом побывать у Рейхстага, расписаться на стене или на колонне и сфотографироваться на память.

Сфотографировался там и бравый артиллерист капитан Иван Новак, впоследствии научный сотрудник нашего Физтеха. Когда в году 70-м его оформляли на поездку в ГДР для совместной работы, иностранный отдел Академии его дело завернул: что-то у него там оказалось не так. Ивана попросили приехать для разъяснений и уточнений. Он нацепил на себя все свои ордена и медали и, громыхая ими, отправился в Академию на набережную. Там ему сказали, что в анкете он не указал, что его отец, завбазой, в 1939 году привлекался к суду за недостачу стройматериалов и был осужден на два года. И в связи с этим командировка в Берлин Ивану не светит. Обычно спокойный и рассудительный Иван взорвался и заорал:

– А в сороковом, когда меня призвали и направили в училище, это никого не волновало, и в сорок пятом, когда я свою батарею выволок на Бранденбург-плац, меня никто за полы шинели не удерживал – а наоборот, вопили все, от полковника до маршала: «Капитан Новак, пробивайся к Рейхстагу, бей прямой наводкой по логову. Тогда никто моим папашей не интересовался – как это у него сперли ящик гвоздей. И когда я на этом гребаном Рейхстаге расписался, мою подпись тоже никто не стирал. Это я сейчас у вас оказался недостойным. Мало от вас, тыловых крыс, на фронте житья не было, так и сейчас еще зубами лязгаете. Подавите своей ГДР и больше мне своих идиотских вопросов не задавайте. На все вопросы я уже сполна ответил с сорок первого по сорок пятый.

И Иван, разорвав в клочья свою выездную анкету, убежал из здания Академии, плюнув на прощание в сторону мозаики Ломоносова «Полтавская баталия».

А я думаю, хорошо, что Ивана тогда не пустили в ГДР. Стоял бы он тогда, так же, как и я, перед воротами, и на него бы глазели сотни кроликов, которым он оставил свою огневую позицию, а перед ним каждые пятнадцать минут проезжал бы танкер с снятыми дверцами, чтобы патрулю было легче выскакать и удобнее стрелять. Не дали бы Ивану подойти к той колонне и посмотреть, сохранилась ли его роспись за четверть века, а скомандовали бы: «Штиль гештанден. Хенде Хох. Шиссен, мол, без предупреждения, геноссе ветеран, дайне муттер».

Насмотревшись на кроликов и полюбовавшись рейдами патруля, я поворачивал налево и шел вдоль Стены мимо развалин Имперской канцелярии по направлению к Фридрихштрассе. Где-то здесь перелезал через Стену герой романа Ле Карре Джордж Смайли. Тут-то его и подстрелили. Меня никто не подстреливал, но как-то ответственный за мое пребывание в Институте физики посоветовал экскурсии вдоль Стены прекратить. В Берлине, мол, есть и другие достопримечательности, например, Трептов-парк с мемориалом Вучетича. Но Трептов-парк меня не манил, и я по-прежнему ходил на свидания с Чек Пойнтом. Где-то здесь на мостовой орал в мегафон: «Дойчен зольдаты унд официрен! Бросайте оружие, война окончена, ваши семьи ждут вас. Гитлер капут – и все такое прочее».

Это было время, когда военные переводчики со многих фронтов были перебросены в Берлин, вооружены мегафонами и направлены на передний край, в перерыве между ожесточенной стрельбой призывать солдат обреченного гарнизона прекратить сопротивление. Иногда это помогало, и из-за развалин появлялась группа немецких военных с белой тряпкой и поднятыми руками, но чаще по мегафону палили из всех видов оружия, пока он не замолкал. Там, на Фридрихштрассе, отец и получил свою последнюю контузию, которая его, в конце концов, и доконала.

Вот сюда-то меня и несли ноги каждый раз, когда я попадал в Берлин. Каждый день и каждую ночь на Фридрихштрассе у Чек Пойнта разыгрывалась одна и та же пьеса, конец которой никогда не был известен заранее.

Вот с той стороны подъезжает машина. Американский сержант-негр (уж не сам ли Чарли) быстро проверяет документы и поднимает шлагбаум. Машина метров двадцать едет прямо и останавливается перед надписью «Halt – Stop – Стой!» У надписи уже ждут «грепо» (так по аналогии с гестапо западноберлинцы окрестили гренцполицией – восточногерманскую пограничную полицию). В ГДР слово «грепо» воспринималось как жуткий выпад против народного режима и за него можно было и схлопотать. Что именно, зависело от обстоятельств. По крайней мере мои академические собеседники делали ужасные глаза, подносили палец к губам, показывали пальцами решетку и делали вид, что этого слова и не слышали.

«Грепо» подходят к машине, забирают у водителя документы и долго изучают их, потом командуют пассажирам выйти из машины и открыть капот и багажник. Другие «грепо» в комбинезонах и с ручными фонарями принимаются осматривать и ощупывать все авто, иногда даже спускают шины – наверное, чтобы воздух свободы не проник через границу. После обыска машина останавливается у таможенных столов, на которые выкладывается багаж. Таможенники под бдительными взглядами «грепо» рьяно роются в пожитках, задают иногда вопросы безучастным пассажирам, иногда уносят что-нибудь в свою будку, но большей частью пропускают беспрепятственно. Население уже хорошо научено, что можно ввозить, а что нет. Наконец досмотр закончен. Старший «грепо» неохотно отдает документы, поднимается второй шлагбаум, и в проезжающей машине видны бледные, напряженные лица.

Проезд в другую сторону, с Востока на Запад, занимал обычно больше времени и не всегда проходил благополучно. Иногда самих выезжающих проводили в будку, а потом за ними приезжали «штази» в черных «волгах» и увозили. На той стороне кто-то вскрикивает, а провожающие на этой стороне с каменными лицами отступают в тень и уходят подальше от опасной черты.

И вот Берлинская стена рухнула. Проволоку сматывали, а саму Стену, «маурер», разобрали по кусочкам на сувениры.

Как-то приехав из Бонна в Берлин, я первым делом отправился к старине Чарли. От Чек Пойнта осталась только сторожевая будка с восточной стороны, зато появились большие портреты солдат: американского – с запада и советского – с востока. Меня это удивило. Никогда раньше советских солдат на границе, кроме как в карауле у Бранденбургских ворот, я не видел. Не стояли советские солдаты лицом к лицу с американскими. Напротив американцев за Стеной стояли, ходили, ездили, сидели в сторожевых будках «грепо», «вопо» (фолькполицай – народная полиция), «штази», но не советские солдаты. Произошла подмена стереотипов. Зато в Берлине исчезли другие советские солдаты, которые при ГДР появлялись на громадных плакатах накануне Дня Победы и других праздников. Ко Дню Победы наиболее популярным был плакат "Die grosse Gedanke dem Russische Soldaten!" – «Громадное спасибо русскому солдату!». На плакате, сделанном по мотивам старой фронтовой фотографии, явно инсценированной, бравый усатый русский старшина вытаскивает за шиворот из люка на фоне берлинских развалин немецкого солдата, жалкого замухрышку из фолькштурма. Возникает недоумение: и такие вот заморыши сумели угробить на подступах к Берлину и в самом городе почти миллион наших солдат – половину наступающей армии.

Вообще в Берлине того времени у непредвзятого советского гражданина много вопросов могло возникнуть. Например, если мы признаем суверенность и независимость ГДР, то почему выше государственного немецкого флага реет в ночном небе советский флаг на флагштоке советского посольства? Чтобы знали, кто здесь хозяин? Не поэтому ли и на все торжественные собрания после местных руководителей приезжал советский посол Абрахимов, и только с его приездом начиналась официальная часть. Не сказал бы, что у меня сердце наполнялось национальной гордостью при виде всего этого – скорее наоборот, было стыдно за нас. Порылся в памяти: может, это наша национальная традиция – так выпендриваться за границей. Ничего такого в памяти не обнаружил. Петр I вообще прикидывался учеником плотника в Голландии и бомбардиром в Англии. Павел I, следуя примеру пращура, скромно путешествовал по Европам под именем какого-то мифического князя Северного, скупая бесценные коллекции для Эрмитажа и экономя на каждом постоялом дворе прогонные, полученные от матушки. Великолепный Александр I въехал в Париж на своей боевой лошади как боевой командир, а не на колеснице, которую бы тащили побежденные полководцы по примеру римских триумфаторов. Безмерный восторг французов и их восхищение русским императором от этого несколько не уменьшились. Да и в советское время после поражения Антанты нарком Чичерин не позволял ни себе, ни своим коллегам топтаться на вчерашних противниках. Откуда же взялось это позднее советское чванство? От хамства?

Но и с другой стороны: почему армия ГДР унаследовала форму гитлеровского вермахта? Те же мундиры, те же погоны, те же парады – все оставили как есть, только изменили название – фольксвер вместо рейхсвера. В берлинском Музее истории Германии вы ничего не могли бы найти ни про лагеря смерти, ни про Холокост и массовые казни, ни про уничтожение и кражу культурных ценностей на захваченных территориях. Только немного о борьбе гитлеровского режима с немецкими антифашистами – будущими создателями немецкого государства рабочих и крестьян. Мне объяснили мои коллеги: все эти нацистские ужасы являются

наследием Западной Германии, а мы здесь, в ГДР, не должны создавать комплекс национальной вины за преступления, которые не совершали. Вот так-то.

Но вернемся на Чек Пойнт Чарли. В угловом здании напротив блокпоста теперь устроен музей памяти Берлинской стены и жертв, убитых при попытке побега через нее, а также памяти героев и жертв борьбы с тоталитаризмом в разных странах, включая и СССР. Особенно подробно представлена экспозиция о побегах через Стену. На нее-то и запал мой сын, девятиклассник. Его мало интересовал вопрос, почему бежали. Для него главным было: а как они это делали. Для меня же как раз наоборот: почему и кто. Простой ответ: потому что в Западном Берлине и ФРГ уровень жизни был выше – некорректен. Смотри как считать и для кого. Мой хороший знакомый – молодой физик из института Макса Планка – как-то рассказал мне:

– Как ты знаешь, мы все учили в ГДР русский язык. Некоторые учили плохо и терпеть его не могли, а некоторые хорошо – и много читали по-русски. Я был одним из лучших учеников и, наверное, знаю русскую литературу и люблю ее больше, чем немецкую. Но когда мы начали учиться – одна из первых фраз в нашем русском учебнике была: «Мама моет трактор». Я еще школьником удивился, ну почему мама моет трактор. Даже у вас «мама мыла раму» – а не трактор, как у нас. Не должна мама мыть трактор, не ее это дело, особенно в Германии, где мы все находились под влиянием трех «К»: Kuche, Kinder, Kirche (кухня, дети, церковь). При чем здесь трактор! И нигде в русской литературе этого не было, это вы для нас изобрели.

– А может, не мы, а это вы сами для себя изобрели вместе с гроссе геданке и советским флагом над всем Берлином?

– Еще хуже, – сказал Ханс Питер, – это уже не оставляло никакой надежды, и я бежал в последнюю ночь, когда через Стену еще можно было перепрыгнуть со складным шестом. После побега мне в ФРГ жилось гораздо хуже, чем в ГДР, и американские солдаты относились к нам, немцам, с гораздо большим высокомерием, чем русские офицеры. Но маме не нужно мыть трактор.

Ханс Питер приехал в СССР при каждой возможности – пока не женился на русской фразе, после чего визу в СССР ему закрыли. Поначалу я опасался, что русская жена захочет сразу белый «мерседес», который ей Ханс Питер купить не сможет, так как и сам ездил на работу на велосипеде, и брак распадется, но в этот раз привычный стереотип с русскими женами не сработал. Это была любовь, которая на самом деле существует и которая счастливо продолжается уже тридцать лет, не давая никакой поживы «желтым» журналистам ни там, ни тут.

Вместо предполагавшегося часа мы с сыном провели в музее Чек Пойнт Чарли более двух, пока он не изучил все знаменитые побеги и не посмотрел все хроникальные фильмы о них. По приезде домой он, выполняя задание по истории, написал реферат «Берлинский кризис и Берлинская стена», который школой был выдвинут на районную олимпиаду и за который ему вручили диплом третьей степени. В рецензии отмечалась односторонность автора, использовавшего только иностранную литературу. Справедливости ради можно возразить, что если про берлинский кризис по-русски написаны сотни страниц, то про Стену совсем чуть-чуть, а про изуверские греповские самострелы, ловушки и капканы – всего ничего.

И здесь мы снова приходим к извечному утверждению «Вначале было Слово». Именно лицемерные, лживые слова школьных учебников, лозунгов и воззваний сорвали с мест и кинули на колючую проволоку тысячи людей, которые не могли вынести заданную, директивную форму существования в придуманном для них государстве.

Будете в Берлине, зайдите на Чек Пойнт Чарли. Там много чего проясняется из прошлого и будущего.

Самоорганизация материи

У нас в школе была хорошая библиотека. Разделавшись классу к пятому со всеми возможными жюль-вернами, фениморами-куперами и майн-ридами, я перешел к более серьезной литературе. Вернее, не я перешел, а школьный библиотекарь, интеллигентная и ворчливая старушка из «бывших», сказала мне:

– Что ты все про каких-то придуманных охотников спрашиваешь? Почитай-ка про настоящих.

И дала мне книжку «Охотники за микробами» Поля де Крюи. С самой первой новеллы об Антонине Ван Левенгукке – шлифовальщике стекол из Амстердама, который сделал первый микроскоп, посмотрел через него на каплю воды и увидел новый мир инфузорий, – я понял, что «Дети капитана Гранта» остались в детстве и начинается новая жизнь. Надолго моими любимыми героями стали худосочный фанатик Фред Бантинг, открывший инсулин, непогрешимый Луи Пастер, наш неистовый романтик Илья Ильич Мечников и другие отцы и создатели этой удивительной науки – микробиологии.

За биологами пошли математики, физики, астрономы – Ампер, Лаплас, Гаусс. Я на всю жизнь полюбил блистательного Лавуазье и возненавидел Французскую революцию, отправившую его на гильотину. Заодно с Французской возникло отвращение ко всем другим революциям – Английской, подвергшей гонениям музыкантов, поэтов, философов и погубившей Томаса Мора, – уже не говоря о Великой Октябрьской, которая так и норовила спихнуть с корабля современности всех наших классиков и загрузить туда каких-то «Барсуков», взводного Метелицу со спиртоносом Стыркшей, мальчика из Уржума, «Грача – птицу весеннюю». Да и сам корабль вместо летящего по волнам клипера «Катти Сарк» стал воняющим мазутом старым корытом – танкером «Дербент», из изношенной машины которого механик Крылов выжимал дореволюционные сто двенадцать оборотов. Рекомендованный герой, остервенелый чахоточный Павел Корчагин, ничего, кроме жалости, не вызывал.

В конце войны, вернувшись в Ленинград, я спросил в школьной библиотеке Поля де Крюи. Его не оказалось. Вместе с Сетон-Томпсоном и Брэмом его тоже сбросили с корабля современности. Вместо него предложили популярную брошюру профессора А. Н. Зайделя «Загадки атома». Загадки у профессора Зайделя оказались скучными, а разгадок он и сам не знал.

Лет через десять, когда я сам стал нелюбимым учеником профессора Зайделя, я спросил у него:

– А чего это в вашей брошюре вы все уходите от прямых ответов? Существуют ведь в науке и непреложные истины, абсолютные факты.

– Например?

– Ну, вот что Вселенная вечна и бесконечна.

– Это вы Энгельса начитались, а надо бы серьезную литературу изучать, если уж взялись рассуждать о вечном и бесконечном.

Сейчас, слава богу, Энгельса уже никто не читает – все больше Акунина и Дарью Донцову. О телевидении я и не говорю. О нем все сказано. Только включишь – и сразу тебе на голову выливают ушат помоев. Как нарочно. А может, и нарочно. Зачем все усложнять? Жизнь-то упростилась до задачи с двумя трубами. По обеим идет – хорошо, на пути застревает – плохо. А кому хорошо, кому плохо? Р-р-разговорчики в строю! Хавай что дают и не умничай. Хотя недавно включил, а там передача про историю Наукограда, города биологов – Пушкино. В кадре – знакомое лицо профессора Шноля. Легендарный Шноль! В свое время среди биологов у него была репутация гения, хотя официально и не признанного. То ли он научился получать сигналы от внеземных цивилизаций, то ли у него микробы

танцевали польку-бабочку. Что-то у него было фантастичное, и к нему со всего света стремились собраться по разуму, чтобы воспринять и поразиться.

Увидев его на экране, я развесил уши и выслушал его занудный рассказ о том, как в 1965 году молодые биологи приехали на пустое место в Пущино и рыли с энтузиазмом котлованы под будущие здания Наукограда. Потом ведущий рассказал о главном достижении – создании искусственного заменителя крови, умолчав о том, что он нигде не изготавливается и не применяется в настоящее время. Слушатель сам мог домыслить, что вся кровь у нас по-прежнему донорская, но старая система донорства нашим человеколюбивым государством вдребезги разрушена, и потребуются долгие годы на ее восстановление. Но это уже из другой передачи, а кончая эту, ведущий пообещал в следующий раз рассказать, как пущинский Наукоград пережил катастрофу перестройки и рыночной экономики.

Прошедшая передача сильно разбередила мне душу. Я вспомнил Пущино 1983 года. В отличие от многих закрытых научных городков, построенных при ядерных заводах, ракетных полигонах или для решения конкретных научно-технических задач, Пущино с самого начала строилось как открытый научный центр без определенной привязки к какой-нибудь военно-прикладной проблеме. Пущино явилось как бы покаянием государства перед биологами за весь разгром, учиненный биологической науке в конце 40-х – начале 50-х годов. И создание кровезаменителя в Пущине было отнюдь не главным научным достижением, а скорее проходным исследованием. Одним из главных достижений были исследования по самоорганизации материи и синергетике.

Несмотря на некоторый налет мистицизма, эти исследования были по достоинству оценены. Авторы получили, ко всеобщей радости научного сообщества, Ленинскую премию, а Пущино постепенно превратилось в мировой центр по исследованию процессов самоорганизации. В 1983 году в Пущино состоялась международная конференция по этой теме. Приехали все самые-самые. Среди них Илья Пригожин из Бельгии, нобелевский лауреат, основатель новой термодинамики. Живой гений – как называли его другие участники. Живой гений, как и полагается гению, был человеком скромным и застенчивым. Никого не поучал, ничего не изрекал. Жалел только, что не пришлось ему поиграть с Эйнштейном концерт для двух скрипок Вивальди. Было заметно, что в Пущино ему явно не хватает какого-нибудь простого собеседника вроде Эйнштейна или Нильса Бора – или Поля Дирака, в крайнем случае.

Когда Дирак приехал к нам в институт, он не стал после своей лекции за чаем у директора вещать о путях развития квантовой механики, а вспомнил о своих первых впечатлениях во время приезда в Ленинград в начале 30-х годов. Тогда на Невском проспекте меняли торцовую мостовую на асфальтовую. По сторонам проезжей части были сложены груды выковыранных деревянных торцов, а посредине стояли громадные чаны, под ними полыхали костры, а в чанах кипела смола. Рядом стояли монументальные *working women*, по-русски – работницы, в парусиновых фартуках, с голыми по локоть здоровенными руками и мешали железными кочергами кипящую смолу. Казалось, что сейчас в эти котлы будут кидать кающихся грешников, которых тут же и отберут среди прохожих. Так он и запомнил тогдашний Ленинград: ободранный Невский, котлы с кипящей смолой, сполохи пламени под ними и громадных "women", мешающих эту адскую смесь.

Теперь же его больше всего расстроило обилие автомобилей, запах бензина, духота, отсутствие деревьев.

– Зачем вам столько автомобилей? Ведь в социалистическом обществе вы могли бы развивать бесшумный, экологически чистый общественный транспорт. А вы повторяете все ошибки буржуазного Запада, охваченного эпидемией консюмеризма.

– Чего-чего? – переспросила дирекция.

– Ну, зачем вы бездумно перенимаете все эти пороки общества потребления? Ведь у вас были все возможности избежать этого, а теперь вы превращаете ваш прекрасный город в такой же вонючий гараж, как Лондон или Париж.

Дирекция что-то промышала про цивилизацию и технический прогресс, который нельзя остановить. Дирак устало заметил, что развитие подлинной цивилизации часто требует отказа от надуманного технического прогресса и что прогресс, на самом деле, происходит внутри человека и в его общении с природой, а не в шумных и душных муравейниках индустриального общества.

– Мы так надеялись на вас, – с горечью добавил он и умолк.

Больше он ничего не сказал.

Из той же породы был Илья Пригожин. Он с удовольствием уходил на берег Оки, предпочитая эти тихие прогулки обязательному посещению лабораторий и встречам с возбужденными коллегами.

В Пушкино меня занесла моя вторая профессия – синхронного переводчика, а отнюдь не научные заслуги, но и для меня эта конференция была не очередным мероприятием, а давно ожидаемым событием – встречей единомышленников.

Собираясь в Пушкино, я гадал, будет ли там дано сражение новым еретикам – сторонникам идеи самоорганизации материи, полагавшим, что наряду с процессами разрушения и образования хаоса в природе идут процессы создания порядка из хаоса, подчиняющиеся законам, которые еще предстояло открыть.

В вопросах веры никогда не бывает единодушия. Любая ересь безжалостно преследуется: Гуситские войны, костры инквизиции, Варфоломеевская ночь, разгром вейсманистов-морганистов, «сумбур вместо музыки» и другие отступления от догмы.

Генрих IV со своим прагматичным «Париж стоит мессы» является приятным исключением в толпе своих озлобленных современников. Это он провозгласил бессмертный лозунг: «Я хочу, чтобы у каждого француза была курица в супе». Лозунг так никогда и не стал реальностью, но до сих пор будоражит воображение, и не только французов. Мы сами который год мечемся в поисках национальной идеи, но до сих пор так никто и не сказал: «Я хочу, чтобы у каждого русского было...», – потому что на каждого не хватит и не каждому полагается. Так что зря этот беспутный монарх будоражил пять веков общественное мнение своими идеями. Безответственный популист, но такой симпатичный!

Среди участников оказались академики-ортодоксы – Яков Борисович Зельдович и Борис Борисович Кадомцев. Яков Борисович три звезды Героя получил за то, что свои идеи отстаивал бескомпромиссно, у последней черты. Каждая звезда была подвиг и победа. Уж Яков Борисович слюни размазывать не станет и никакого псевдонаучного словоблудия не потерпит. С ним было все ясно. Но вот с Борисом Борисовичем все было неясно, начиная с того, зачем он вообще собрался в Пушкино.

Академики бывают разные. Одни – это признанные лидеры, за спиной которых институты, КБ, заводы, космодромы. У них много наград, званий, сотни научных работ, написанных сотрудниками и подписанных ими, они хорошо выступают на съездах и плохо читают лекции студентам – если вообще читают. Они любят высказываться по разным вопросам и охотно дают интервью.

Другие – это просто ученые, но ученые божьей милостью, по гамбургскому счету, высшие авторитеты в своей области. Широкая публика их не знает, правительства слегка опасаются, потому что они всегда могут что-нибудь брякнуть невпопад. Поэтому их редко спрашивают на общие темы. По специальным темам к ним тоже нелегко добраться. Они не желают тратить своего драгоценного времени

на разговоры с сомнительными профессионалами, но зато с настоящими профи готовы сидеть и день и ночь.

Борис Борисович был гуру в нашей физике плазмы. Бриллиант чистой воды, общение с которым было наградой для каждого мало-мальски уважающего себя физика. Что его потянуло в Пущино, для меня было непонятно.

И вот объявлен доклад: академик Б. Б. Кадомцев, Институт атомной энергии имени Курчатова. Тема касается применений математических моделей теории вероятности к изучению процессов эволюции. Что-то в этом роде, математика об эволюции, вполне достойная тема. И Борис Борисович начал ее спокойно развивать без лишней аффектации, со множеством формул, но к середине доклада возникло ощущение, что все эти формулы сами по себе, а процессы эволюции сами по себе. Я не знаю, возникло ли это ощущение у остальных слушателей, но у меня, сидящего в будке синхронного перевода с наушниками и микрофоном, такое ощущение явно возникло и начало тревожить: как же он, а вслед за ним и я, выскочим из этого положения?

Тут Борис Борисович чуть помедлил и аккуратно взорвал свой первый заряд:

– Как мы видим из сказанного, ни одна из предложенных статистических моделей не может объяснить эволюционный процесс, произошедший на нашей планете, тем более – происхождение жизни на Земле. На это не хватило бы всего времени существования Солнечной системы.

Я слышал в наушниках, как в зале воцарилась мертвая тишина. Люди замерли, почти перестали дышать, и в этом звуковом вакууме взорвалась вторая бомба.

– Следовательно, – сказал Борис Борисович, своим тихим и печальным голосом, – остается предположить, что потоку событий в эволюции предшествовал поток информации, чрезвычайно малой интенсивности, но достаточной, чтобы направить процесс эволюции по определенному пути. Поиски этого потока информации ведутся в ряде лабораторий, в том числе, насколько мне известно, и в этом институте.

И тут меня как током ударило. Шноль? Ну конечно, Шноль! Он именно этим и занимается. И в наступившей паузе я еще раз повторил фразу о двух потоках, чтобы не оставить никаких сомнений в том, что это была не ошибка, не слуховая галлюцинация, а научное утверждение. Борис Борисович выдержал паузу. Собственно, говорить дальше уже было не о чем. Казалось, в мертвой тишине метались мысли. Над кафедрой повис огромный вопрос. Налетевшие ангелы легко растащили его в разные стороны. Какие тут могут быть вопросы? Стало легко и радостно, все заулыбались, выдохнули. Захотелось сказать: слава тебе, Господи, спасибо тебе. Оказывается, все так просто, а мы столько веков мучили друг друга. Борис Борисович сошел с кафедры и растворился среди коллег.

В школе, а потом в университете мы учили, что по теории академика Опарина жизнь зародилась сама по себе в мировом океане. Там что-то все время булькало, булькало. Молекулы сталкивались друг с другом случайным образом от простого к сложному, от неорганических соединений к органическим, а там и до белков рукой подать. И что белок, что живая клетка – почти одно и то же. А вот и нет, ничего само по себе не набулькало, а только промыслом божьим, духом святым, невидимым потоком информации. А интересно, он сейчас еще струится или сделал свое дело и отдыхает? Наверное, Шноль думает, что еще струится, иначе бы он его не искал.

Борис Борисович после доклада казался каким-то просветленным, как будто снял тяжелый груз с плеч. А все как будто понимали это, и никто к нему с глупыми вопросами или скороспелыми измышлениями не лез.

На завтра был назначен доклад Якова Борисовича о Большом взрыве и эволюции Вселенной. Эволюционная тематика доклада позволяла Якову Борисовичу

легко лягнуть Бориса Борисовича, но он этого делать не стал. Он увлекательно рассказал о том, что было десять миллиардов лет тому назад после взрыва, как образовались галактики, звездные системы, включая нашу, чего можно ожидать в следующие десять миллиардов лет, когда потухнет солнце, и так далее. Кто-то не выдержал и спросил:

– Вы все говорили о том, что было после взрыва, в первую микросекунду, в первый миллиард лет, а вот сам взрыв – кто его произвел?

Яков Борисович ненадолго задумался, как бы это ему получше сформулировать, и сказал:

– Момент ноль не входит в тему моего доклада. Я рассматриваю только эволюционные процессы. И вообще, рассмотрение момента ноль выходит за пределы современной науки. Это скорее является областью теологии, которая, как мне кажется, единственная может дать непротиворечивое объяснение, но я не являюсь специалистом в области теологии и не обладаю необходимой компетенцией для обсуждения данного вопроса.

Так во второй раз на Пущинской конференции мировое научное сообщество было отправлено в Горние сферы и никакого неудобства при этом не испытало.

Происшедшее достоянием широкого общественного мнения не стало, ни в каких средствах массовой информации отмечено не было, но крепко сохранилось в памяти участников. Может, когда-нибудь, на каком-нибудь высоком научном форуме ученые и теологи, собравшись вместе, вспомнят о том, как когда-то на берегах Оки были обозначены границы исследования мира научными методами и открыты новые страницы в Книге Познания.